

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №2, Том 10 / 2019, No 2, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/11SCSK219.pdf>

DOI: 10.15862/11SCSK219 (<http://dx.doi.org/10.15862/11SCSK219>)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Лескова И.В., Селезнев И.А. К вопросу о противодействии распространению религиозного экстремизма среди заключенных в западной Европе, России и СНГ // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/11SCSK219.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ. DOI: 10.15862/11SCSK219

For citation:

Leskova I.V., Seleznev I.A. (2019). On the issue of countering the spread of religious extremism among prisoners in western Europe, Russia and the CIS. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/11SCSK219.pdf> (in Russian) DOI: 10.15862/11SCSK219

УДК 316.7

ГРНТИ 04.51.59

Лескова Ирина Валерьевна

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», Москва, Россия
Профессор кафедры «Социологии»
E-mail: leskova.i@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6083-6692>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=510760

Селезнев Игорь Александрович

ФГБУН «Институт социально-политических исследований Российской академии наук», Москва, Россия
Ведущий научный сотрудник
E-mail: igdrake@yandex.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2862-9444>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=74352

К вопросу о противодействии распространению религиозного экстремизма среди заключенных в западной Европе, России и СНГ

Аннотация. Цель данной научной статьи определить актуальные проблемы противодействия распространению религиозного экстремизма среди заключенных в западной Европе, России и СНГ.

Поднимается вопрос активизации идеологии радикального политического ислама и его новых форм – «исламизма» и «джихадизма».

Всесторонне изучается и анализируется процесс распространения радикального исламизма среди криминальной части западного и постсоветского общества. Подчеркивается, в условиях упадка всех идеологических конструктов европейского происхождения, претендующих на собственный и универсальный проект, исламизм все более явно и наглядно становится «новым альтернативным стилем» с внушительными перспективами охвата разнообразных социальных групп не только в странах традиционного распространения ислама, но и в Западной Европе.

Акцентируется, ислам с его эгалитарным этосом имеет исторический опыт идейной экспансии на широкие массы.

Особо поднимается проблема широкого распространения ислама как религии и идеологии исламизма среди отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Западной Европы. В частности, авторы обращают внимание на сформировавшиеся процессы симбиоза исламского радикализма и криминалитета как в пенитенциарных учреждениях, так и на воле после освобождения из мест лишения свободы. Актуализируется, подобные процессы имеют свойство к дальнейшему укоренению и распространению на территории России и постсоветских государств Центральной Азии.

Формулируются причины, способствующие распространению радикального ислама в местах лишения свободы. Анализируются наиболее эффективные в мировой практике меры по противодействию радикализации в местах лишения свободы, исследуются отечественные и зарубежные программы дерадикализации.

Подчеркивается своевременность и важность развития исламского просвещения и образования, как фактора, позволяющего предупреждать влияние экстремистской идеологии на верующих.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; исламизм; организованная преступность; пенитенциарные учреждения; Западная Европа; Россия; СНГ; Центральная Азия

Введение

В научной статье поднимается вопрос об идеологии «политического ислама» («исламизма», «джихадизма»). В мире достаточно широко известно обращение к исламу как религии и исламизму, как идеологии ряда радикальных западных интеллектуалов (Р. Генон пришел к исламизму от консерватизма и традиционализма, Р. Гароди – от коммунизма). Но интеллектуалы запада, исповедующие радикальный ислам и создающие ему известную репутацию, не являются его исключительными адептами. Подчеркнем, что не меньший интерес вызывают причины и последствия обращения к исламу представителями других социальных страт. Этот интерес обусловлен тем, что распространение ислама среди делинквентных и маргинальных слоев как в западных обществах, так и на постсоветском пространстве и искажение представителями этих групп идеи ислама стало причиной «исламофобии» и недоверия к исламу как религии. В этих условиях становится важным развитие исламского просвещения, позволяющего предупреждать влияние экстремистской идеологии на верующих.

Методология

Методологически данная научная публикация исходит из представлений о диалектике взаимоотношений между разнообразными формами общественного сознания, в частности, религии и идеологии. Так, известен восходящий к Жан-Жаку Руссо концепт так называемой «гражданской религии», использованный у Эмиля Дюркгейма и в современной социологии получивший подробное обоснование у Роберта Беллы [1, с. 34]. Гражданская религия – это обеспечивающая национальное или политическое единство идеология, приобретающая квазирелигиозные функции и вмещающая соответствующие ценности, смыслы, символы, обряды, представления и понятия [2, с. 31]. Известен и обратный феномен: в ряде радикально-фундаменталистских исповеданий религия распространяется на все сферы социетальной практики, трансформируясь в идеологию. Также в методическую основу представленной работы положена теория круговорота элит В. Парето [4].

Постановка проблемы

Практически все претендующие на собственный универсальный проект идеологии европейского происхождения продемонстрировали явный упадок к началу XXI в. В этих условиях конкурентом им выступает идеология незападного происхождения – исламизм («политический ислам», «джихадизм»). Так, исламизм способен составить эффективную конкуренцию консерватизму (палеоконсерватизму) и «новым правым» в обращении к традиционализму, морализму и религиозному фундаментализму; он не уступает социализму (коммунизму) в плане эгалитаризма и антибуржуазной социально-экономической проектности, а фашизму (национал-социализму) – в тотальности и воле к разрушению и смерти. В таких условиях политический ислам становится «новым альтернативным стилем» с большими перспективами охвата различных социальных групп не только в странах традиционного распространения ислама, но и в Западной Европе и США. Подобную идейную экспансию осуществлял в начале XX в. радикальный социализм (коммунизм). В условиях идейного кризиса социалистической (коммунистической) идеологии место глобальной радикальной антисистемной идеологии занимает исламизм. Добавим, что после уничтожения социалистической системы и ослабления коммунистической идеологии и леворадикальных группировок недовольство людей капитализмом стало выражаться в интересе к религиозно окрашенным политическим учениям. Например, если еще в 1970-е гг. акции «прямого действия» палестинского движения сопротивления воспринимались в рамках общего тренда леворадикального экстремизма (наряду с «Красными бригадами», «Фракцией Красной Армии» и т. п.), то теперь уже радикальный исламизм выступает по отношению к ультралевым в качестве «старшего партнёра» [5, с. 43].

Тем более что ислам с его эгалитарным этосом имеет исторический опыт такой идейной экспансии на широкие слои. Так, в средние века после завоевания Индии Захир Ад-Дин Мухаммад Бабуром и возникновения тимуридской империи Великих Моголов можно было наблюдать «омусульманивание» различных групп населения, до этого находившихся на нижних ступенях кастовой «лестницы престижа». Тут не только массовый мусульманский прозелитизм «неприкасаемых», наблюдаемый даже в наши дни (впрочем, представители низших слоёв переходят и в другие религии – буддизм, даже в христианство), но и, к примеру, переход в ислам представителей касты музыкантов [6, с. 46].

Если в начале XX в. арестованные революционеры-социалисты идейно влияли на часть уголовного мира, то в современных условиях криминал подвергается подобному идейному и интеллектуальному «опылению» со стороны исламизма. В местах лишения свободы преступники оказываются рядом с осужденными радикалами, которые воспринимаются как «пострадавшие за идею, а не корысти ради», что способствует повышению их авторитета и влияния на других осужденных. И выстраивающиеся взаимоотношения можно описать в терминах Вильфредо Парето как союзничество «контрэлиты» (политические радикалы) с «антиэлитой» (криминал). К тому же уголовную субкультуру и «политический ислам» роднит нигилизм по отношению к имеющемуся государству и праву и собственные нормативные представления («по-понятиям», либо «по шариату»), что создаёт почву не только для диалога и взаимоуважения, но и партнёрства между представителями преступного мира и радикального исламизма [6, с. 44].

Ситуация в Западной Европе

Существуют данные, свидетельствующие о широком распространении и ислама как религии и идеологии исламизма среди отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Западной Европы. Так, в Великобритании за последние два десятилетия численность

мусульманских заключенных увеличилась в 4 раза, и на сегодняшний день 12000 заключенных в Англии и Уэльсе из 84000 являются мусульманами. Палата общин предоставила доклад, демонстрирующий, что численность заключённых мусульман возросла с 3681 чел. в 1997 г. до 11248 чел. в 2012 г., т. е. более чем на 200 %.¹ Мусульмане, составляющие не более 5 % населения Великобритании, составляют 13 % обитателей тюрем. Почти треть заключенных-мусульман приняли эту религию во время отбывания наказания.² Соответственно, в тюрьмах Великобритании возросло влияние радикальных исламистских группировок (джихадо-салафитов, «братьев-мусульман» и т. п.). Пропаганда ислама, осуществляемая этими группировками, направлена как на более широкий охват заключенных, так и индивидуально на привлечение наиболее авторитетных заключённых, чей пример станет в будущем привлекательным для других. И именно радикализация заключенных-мусульман, а не сам факт обращения их к религиозной жизни вызывает опасения со стороны британских властей.

Мусульманские сообщества становятся в британских тюрьмах «коллективами выживания». Сообщается, что всё больше заключенных в Великобритании принимают ислам для того, чтобы к ним было особое отношение, а также, чтобы заручиться поддержкой влиятельных группировок мусульман. Еще одной причиной, побуждающих заключенных принимать ислам является открывающаяся возможность для «вновь обращенного» продвижения по уголовной кастовой иерархии и получения соответствующих положению преференции. Рост доли мусульман среди заключенных – это результат давления со стороны исламских экстремистов-«авторитетов», включая тех, которые осуждены за терроризм и связаны с «Аль-Каидой», ИГИЛ (*запрещенные в России террористические организации*) и т. п.³ Многие заключённые в тюрьмах насильно склоняются к принятию ислама.¹

Среди причин, побудивших их перейти в ислам – защищенность, которую дает принадлежность к определенной группировке, и те привилегии, которыми, по их мнению, пользуются мусульмане. Известно, например, что к насильникам или педофилам в тюрьме отношение обычно негативное, но если такой осужденный вступает в «джамаат» (мусульманское братство), то он его берёт под защиту.³ Следует заметить, что всего лишь 1 % мусульман попадает в британские пенитенциарные учреждения за терроризм. Но в качестве одной из версий того почему радикальный исламизм стал нормой в британских тюрьмах называют деятельность исламистских благотворительных фондов, оказывающих поддержку заключенным-мусульманам, которых, не разделяя на «политических» и «уголовных», снабжают всем необходимым. Эти организации оформлены в качестве НКО и получают пожертвования от всех желающих помочь заключенным-мусульманам и их семьям. Кроме того, эти НКО предлагают «духовную консультацию» от различных имамов, наносящие визиты в тюрьмы и преподающих ислам заключенным. В большинстве случаев такие уроки проводят представители радикальных течений ислама.¹ Тут можно вспомнить опыт Международной организации помощи борцам революции (МОПР) в 1920–30-е гг., но исламские радикалы действуют, пожалуй, еще эффективнее [7].

Не только Великобритания обеспокоена ростом исламизма среди заключённых, но и во Франции, имеющей гораздо более жесткую пенитенциарную систему, администрация тюрем

¹ Kern S. Britain: Muslim Prison Population Up 200 % // URL: <http://www.gatestoneinstitute.org/3913/uk-muslim-prison-population>.

² Треть заключенных-мусульман Британии приняли ислам в тюрьме. Текст электронный // ИА IslamNews – URL: <http://www.islamnews.ru/news-24729.html>.

³ Аничкин А. Обращенные неволей. Текст электронный // Журнал "Огонёк" №33 от 26.08.2013, стр. 34 / URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2259022>.

обеспокоена массивной исламистской пропагандой, приводящей к радикализации сознания лиц, там пребывающих. И осуждённые за принадлежность к террористическим организациям могут являться как объектом воздействия с целью укрепления и развития радикальных взглядов со стороны более «опытных товарищей», так и субъектом воздействия с целью радикализации взглядов «новобранцев». Увеличению численности группы приверженцев радикального исламизма способствует то, что, попав в места заключения, радикалы стремятся найти новых единомышленников, причём в глазах остальных они выглядят как жертвы государства. Также ситуация с тюрьмами в Бельгии, позволяет характеризовать их как «школу радикализма» [8, с. 26–33].

Доклад Международного центра изучения радикализации и политического насилия «Криминальное прошлое, террористическое будущее: европейские джихадисты и новые узлы криминала и террора» показывает, что линия между преступностью и джихадистами становится все более размытой; вербовщики ИГИЛ⁴ все чаще останавливают выбор на лицах с криминальным прошлым, заключенных, а также представителей малоимущих страт; в местах заключения джихадисты могут найти множество молодых людей, готовых к восприятию радикальной идеологии; преступники, ставшие джихадистами, могут применять в террористических целях свои криминальные навыки [9]. Эти процессы свидетельствуют не только о влиянии джихадизма на делинквентные социальные слои и «исламизации» в европейских тюрьмах, но и предвещают последующее влияние этой исламистской радикализации на европейские общества в самых различных аспектах [6, с. 49].

Ситуация в России и СНГ

Схожие тенденции обозначились и среди соответствующего контингента в России (Северный Кавказ, Поволжье, Урал и др.) и других государствах СНГ. Адепты движений зарубежного радикального исламизма, связанных с нетрадиционным для коренных мусульманских народов Российской Федерации салафизмом/ваххабизмом распространяют сегодня своё влияние на криминальную среду. Речь идет, в том числе, и о таких запрещенных в России экстремистских организациях, как «Ихван аль-Муслимун» («братья-мусульмане»), «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» и т. п.

По опубликованным данным, сотрудники ФСИН РФ с начала 2016 г. намеревались усилить борьбу с так называемыми тюремными «джамаатами» – неформальными общинами мусульман. Это связано с ростом популярности исламизма в пенитенциарных учреждениях, где он не только приходит на смену воровским порядкам, но и вынуждает силовиков пересматривать свой подход к оперативной работе в колониях.⁵ Исламистам удаётся достаточно успешно обращать в свои взгляды сокамерников, особенно если речь идет о представителях этносов, исторически исповедующих ислам. В соответствии с логикой образования группировок в тюрьмах и лагерях многие вступают в группы исламских экстремистов, чтобы получить физическую защиту [10, с. 15]. Лица, отбывающие срок за религиозный экстремизм и террористические действия, начинают вести «дагват» (пропаганду) среди других осужденных, которые до этого были либо далеки от религии, либо исповедовали традиционный ислам ханафитского или шафиитского мазхаба. В результате им удаётся создать «джамаат» из числа зэков, многих из которых привлекает идеология радикального исламизма. Ведь предыдущие «грехи» (преступления) до активного принятия ислама списываются, а возможность их совершить в дальнейшем оправдывается, поскольку новые преступления

⁴ Запрещенная в России террористическая организация.

⁵ Туманов Г. Зелёная зона. ФСИН усиливает борьбу с тюремными исламистами. Текст электронный, "Коммерсантъ" от 26.01.2016: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2901612>.

трактуются как часть «джихада», потому что эта идеология оправдывает совершение преступлений против любого, кто не разделяет их убеждения (и, в том числе, против «неправильных» мусульман-ханафитов).⁶

В местах лишения свободы люди часто обращаются к религии, но лишь у мусульман как группы получается противостоять и сторонникам тюремно-воровских «понятий» и администрации.⁵ Так, по свидетельствам очевидцев, в исправительных учреждениях, расположенных в СКФО, осужденные разделены на две части: «черная масса» («блатные и мужики, живущие по тюремным понятиям») и «джамаат». «Причисление к одной из двух «каст» происходит автоматически. <...> Если ты сидишь на Кавказе и говоришь, что ты мусульманин и хочешь жить по исламу, а не вникать в блатную тему, то тебе такое право предоставляется за счет того, что на воле положение мусульман очень сильно, они имеют реальный вес и могут за своих братьев заступиться. Однако очень много людей этой верой прикрываются, чтобы им комфортно было прожить свой срок».⁷ Исламизм в российских пенитенциарных учреждениях становится все популярнее, поэтому наравне с понятиями «красная зона» (контролируемая администрацией при помощи «активистов») и «чёрная зона» (где царят «воровские» порядки), появился термин «зеленая зона», подразумевающий, что неформальный контроль над ней взяли исламисты.⁵

Схожие тенденции к криминализации деятельности радикальных исламистов или, наоборот, исламской радикализации обычных уголовников наблюдаются и в постсоветских государствах Средней Азии. По свидетельству экспертов (А.А. Казанцев, Л.Ю. Гусев) очагами распространения исламского экстремизма в Казахстане и Киргизстане стали места лишения свободы. К радикальным взглядам там приобщаются сокамерники экстремистских деятелей с тем, чтобы получить защиту в тюрьме. Эксперты отмечают тенденцию к вытеснению «воровской идеологии» в пенитенциарных учреждениях государств Средней Азии религиозным экстремизмом и появление «зеленых зон». Попытки администрации отделять в местах лишения свободы осужденных-экстремистов от неэкстремистов пока не очень эффективны. Традиционная криминальная идеология оказывается неконкурентоспособной по сравнению с радикальным исламизмом и, в результате, в Средней Азии складывается тенденция к замещению традиционной преступности криминально-экстремистскими группами с исламистской идеологией [10, с. 35–36, с. 46].

К примеру, существенную тревогу у властей Киргизии вызывает быстрая ориентация на конкретную среду и гибкость в действиях радикальных религиозных групп и примыкающей к ним запрещенной в стране решением Верховного суда экстремистской организации «Жайшуль махди». Известны случаи, когда члены этой организации в тюрьме за короткое время сумели обратить сокамерников в своих ярых сторонников [5, с. 11]. На этом фоне беззубость и рыхлость традиционного ислама и его институтов вкупе с вечными переворотами внутри Духовного управления мусульман Киргизии лишь усугубляет проблему.⁸

Поэтому вполне можно согласиться с точкой зрения, что отсутствие эффективной государственной системы мер идеологического и информационного противодействия радикальной идеологии в пенитенциарных учреждениях стало одной из важных причин

⁶ Сулейманов Р. Тюремный халифат. Текст электронный. «Независимая газета» от 21.02.2013 [сайт]. URL: http://www.ng.ru/regions/2013-02-21/3_kartblansh.html.

⁷ Сологуб Н. Все мы носили с собой лезвие. Текст электронный. Zona.media 19 февраля 2018 [сайт], URL: https://zona.media/article/2018/02/19/kass?utm_source=bumaga&utm_medium=partners&utm_campaign=friends.

⁸ Чериков С. Кыргызстан – полигон террористического интернационала? Текст электронный. Новости Центральной Азии от 28.09.2012 [сайт]. URL: <http://centrassia.ru/kirgistan/17-kyrgyzstan-poligon-terroristicheskogo-internacionala.html>.

распространения исламизма среди заключенных [2]. На распространение исламизма в пенитенциарных учреждениях администрация этих учреждений и ФСИН в целом пытаются ответить привлечением к богослужениям в тюрьмах «официального» мусульманского духовенства, пропагандой традиционного ислама ханафитского мазхаба. Однако это не всегда бывает эффективно, поскольку среди осужденных исламистов авторитет таких «официальных» имамов достаточно низок и отношение к ним зачастую негативное.⁹ И эта тенденция прослеживается как в России, так и в среднеазиатских странах постсоветского пространства.

Среди причин, способствующих распространению радикального ислама в местах лишения свободы, специалисты (И.М. Усманов, Ф.К. Зиннуров) обозначают следующие:

- Общий рост числа осужденных, исповедующих ислам, и как следствие, образование тюремных джамаатов.
- Переход в сплоченный джамаат является одной из форм социальной адаптации новообращенных мусульман, принадлежность к такой группе формирует чувство избранности, и создает ощущение безопасности и дает возможность повышения в неформальной иерархии.
- Активная проповедническая деятельность осужденных религиозных экстремистов среди осужденных, обещание вновь прибывшим осужденным поддержки, четкого порядка и справедливости. Особенно привлекательно для осужденных, не имеющих на воле поддержки, жилья и работы становятся обещания материальной и иной помощи после освобождения.
- Возможность для осужденных выхода в Интернет способствует распространению среди них радикально исламистских учений.
- Отсутствие концепции религиозной работы в исправительных учреждениях, а также нехватка представителей официального органа традиционных религий в отдельных регионах России [12].

Опыт дерадикализации

В поиске эффективных мер противодействию радикализации в местах лишения свободы мировая практика показывает три общих вида программ дерадикализации. Это всеобъемлющие программы, включающие в себя изменение идеологии отдельных экстремистов, изменение их поведения и разрушение структуры террористической группы. Такие программы сложны, дорогостоящи, но эффективны с точки зрения долгосрочного успеха. Помимо того, существуют целевые программы работы с отдельными людьми, призванные изменить их взгляды и поведение, и прагматические программы, направленные на изменение поведения экстремистов. Эффективность таких программ просчитать достаточно сложно, если и существует такой подсчет, то только в краткосрочной перспективе, так изменение поведения зависит от получения определенных выгод. Так, во Франции на первом этапе осужденные содержатся в одиночных камерах (45 суток), что необходимо, и для привыкания заключенных к тюремному режиму, и для изучения осужденного представителями администрации. На этом этапе уже происходит классификация на исправимых, неисправимых, сомнительных. И в зависимости от степени прогресса в исправления осужденного применяются ступенчатые стимулирующие меры. Для исправимых предусмотрена возможность дневной работы с проведением ночи в

⁹ Мальцев Вл. «Аллах акбар!» в СИЗО: как радикальные исламисты усиливают свое влияние в российских тюрьмах. Текст электронный. «Русская весна» от 29.04.2016 [сайт]. URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1461753940.

отдельных камерах; увеличение числа льгот; полусвободный режим с возможностью работать за пределами тюрьмы и посещением родственников; условное освобождение за хорошее поведение [8, с. 26–33].

В Сингапуре, Индонезии, частично в Турции программы по дерадикализации осужденных радикалов и террористов включают три составляющие: идеологическую, просветительскую, профилактическую. Если первые две направлены непосредственно на самого осужденного, то профилактическая – на членов его семьи, что способствует разрушению лояльности личности к радикально настроенным группам, а сосредоточение на социальных инициативах, в отличие от инициатив по религиозной пропаганде, дает более длительный результат, который препятствует возвращению людей к насилию как средству решения проблем [13, с. 84–85].

Важным методом становится изоляция осужденных радикалов от других групп заключенных. Так, в Казахстане предложено отправлять осужденных радикалов в отдельные тюрьмы. В Узбекистане существуют отдельные тюрьмы для такой категории преступников, и численность тюремного населения страны, вовлеченного в радикальные течения, там сократилась. Во Франции с 2015 г. при каждой тюрьме открылись отдельные спецкорпуса для радикалов. Спецтюрьмы для осужденных террористов существуют во многих странах мира, но режим и условия содержания в них различаются: от весьма жестких в израильской Хадарим до «санаторных» в саудовской тюрьме в Эр-Рияде для членов «Аль-Каиды»¹⁰ или норвежской Шиен.⁵

По мнению специалистов (И.М. Усманов, Ф.К. Зиннуров) для борьбы с радикальными группировками в местах лишения свободы недостаточно лишь силовых методов, требуются комплексные меры по ресоциализации лиц, которые по той или иной причине оказались подвержены влиянию радикальных религиозных течений. Такими мерами могут быть: совершенствование системы контроля исполнения комплексных программ и планов противодействия экстремистской идеологии; проведение мероприятий по обмену опытом сотрудников правоохранительных органов, занятых профилактикой терроризма и экстремизма; организация работы с авторитетными членами террористических и экстремистских организаций, которые признали ошибочность прежних взглядов и обеспечение адресных профилактических мероприятий с лицами данной категории; организация курсов повышения квалификации для специалистов в области исламоведения и психологии, проведение ими диагностики осужденных по экстремистским статьям; внедрение «прогрессивной системы отбытия наказания» в практику содержания осужденных за экстремизм, когда условия содержания осужденных улучшаются/ухудшаются в зависимости от поведения, отношения к отбываемому наказанию и дерадикализации; применение зарубежного, в частности ирландского опыта «переходных тюрем» с полусвободным режимом как «фильтр между тюрьмой и обществом», предусматривающего определенные стадии на пути движения осужденного к освобождению, определенный постпенитенциарный контроль.¹¹

При этом, по мнению авторов, исследовавших процессы радикализации осужденных в Татарстане, называть колонии и тюрьмы «зелеными» преждевременно, скорее можно говорить о дополнении тюремной субкультуры новой категорией осужденных и о тенденции перераспределения сфер влияния. И при правильном подходе со стороны государственных органов можно повысить иммунитет и к радикализму в местах лишения свободы [12]. Возможно, применительно к Республике Татарстан, эти выводы являются достаточно

¹⁰ Запрещенная в России террористическая организация.

¹¹ Туманов Г. Зелёная зона. ФСИН усиливает борьбу с тюремными исламистами. Текст электронный, "Коммерсантъ" от 26.01.2016: [сайт]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2901612>.

валидными. Во всяком случае, опыт правоохранительных органов Татарстана по профилактике и борьбе с распространением религиозного радикализма и экстремизма требует пристального изучения и внедрения в других субъектах Федерации.

В целом, анализ отечественного и зарубежного опыта дерадикализации заключенных показывает необходимость работы на двух уровнях: личностном и групповом, с использованием трех компонентов: религиозно-просветительского, психологического и последующей помощи в социальной адаптации заключенного, после отбытия срока. Требуется постоянная многоуровневая профилактическая работа с социальным окружением заключенного, которое станет для него основой «новой жизни» [8, с. 26–33].

Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. для осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности предлагается разработать базовые обязательные программы психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в общество.¹² Но, как отмечается, это предполагает лишь работу на личностном уровне, а ситуация диктует необходимость внедрения в практику пенитенциарных учреждений России именно комплексной программы по дерадикализации заключенных [8, с. 26–33]. Поэтому стоит шире исследовать и применять зарекомендовавший себя зарубежный опыт и успешную практику субъектов Российской Федерации в деле противостояния распространению экстремизма в местах лишения свободы.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в условиях идейного кризиса большинства светских универсальных идеологий западного происхождения возрастает значимость религиозно окрашенного «политического ислама» как основной радикальной идеологии, способной эффективно воздействовать на различные социальные страты населения.

¹² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р ред. от 23.09.2015 // Российская газета, 08.03.2011. URL: <https://rg.ru/2011/03/08/penitenciariya-site-dok.html>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белла Р. Социология религии // Американская социология. Проблемы, перспективы, методы. М.: Прогресс, 1972.
2. Яворский М.А. Причины радикализации осужденных в местах лишения свободы в России и за рубежом // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения. Пермь, 2016. С. 171.
3. Bellah, Robert N. Civil Religion in America // Religion American Style / Ed. by Patrick H. McNamara. NY: Harper & Row, 1974.
4. Парето В. Трансформация демократии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 207 с.
5. Селезнёв И.А. Феномен радикального ислама в делинквентной среде в современных странах Европы и России // Вестник Академии экономической безопасности МВД России, 2015, №6.
6. Селезнёв И.А. Причины распространения радикального исламизма в делинквентной среде Западной Европы и России XXI в. // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований, СПб, 2017, №1 (5).
7. Селезнев И.А. Осадчая Г.И. О причинах распространения религиозного экстремизма в делинквентных странах Западной Европы, России и СНГ // Секуляризация в контексте религиозных изменений современного общества. Сер. «Демография. Социология. Экономика.» Т.4, №4 / П. ред. С.Ю. Глазьева, С.В. Рязанцева, Е.А. Кублицкой. М., 2018. С. 275.
8. Пащенко И.В. Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. 2016. № 12 (14). С. 26–33.
9. Rajan Basra, Peter R. Neumann, Claudia Brunner. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus. URL: [http://icsr.info/wpcontent/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf](http://icsr.info/wpcontent/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf).
10. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Угроза религиозного экстремизма на постсоветском пространстве / Центр изучения перспектив интеграции. М., 2017.
11. Гусев Л.Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы // Современные евразийские исследования, 2016, № 3.
12. Сысоев А.М. Подходы к пенитенциарной дерадикализации осужденных за проявления религиозного экстремизма в странах Ближнего Востока и Азии // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2014. № 1.
13. Усманов И.М., Зиннуров Ф.К. «Зеленая» зона: реальность или провокация. (Практика противодействия радикализации осужденных в местах лишения свободы в Республике Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2019, Т. 10, №1. С. 67.

Leskova Irina Valer'evna

Russian state social university, Moscow, Russia
E-mail: leskova.i@yandex.ru

Seleznev Igor Aleksandrovich

Institute of socio-political research of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia
E-mail: igdrake@yandex.com

On the issue of countering the spread of religious extremism among prisoners in western Europe, Russia and the CIS

Abstract. The purpose of this scientific article is to determine the actual problems of combating the spread of religious extremism among prisoners in Western Europe, Russia and the CIS.

The question of activation of ideology of radical political Islam and its new forms – "Islamism" and "jihadism" is raised.

The process of spreading radical Islamism among the criminal part of Western and post-Soviet society is comprehensively studied and analyzed. It is emphasized that in the context of the decline of all ideological constructs of European origin, claiming to own and universal project, Islamism is becoming more and more clearly and clearly a "new alternative style" with impressive prospects of covering a variety of social groups not only in the countries of traditional spread of Islam, but also in Western Europe.

It is emphasized that Islam with its egalitarian ethos has a historical experience of ideological expansion to the masses.

The problem of the wide spread of Islam as a religion and ideology of Islamism among those serving sentences in the penitentiary institutions of Western Europe is particularly raised. In particular, the authors draw attention to the existing processes of symbiosis of Islamic radicalism and criminality both in penitentiaries and in the wild after release from prison. Such processes tend to further entrench and spread on the territory of Russia and the post-Soviet States of Central Asia.

The reasons for the spread of radical Islam in places of deprivation of liberty are formulated. The article analyzes the most effective measures in the world to counter radicalization in places of detention, examines domestic and foreign programs of de-radicalization.

The author emphasizes the timeliness and importance of the development of Islamic education as a factor to prevent the influence of extremist ideology on believers.

Keywords: religious extremism; jihadism; organized crime; prisons; Western Europe; Russia; CIS; Central Asia

REFERENCES

1. Bella R. (1972). *Sotsiologiya religii. Amerikanskaya sotsiologiya. Problemy, perspektivy, metody.* [*Sociology of religion. American sociology. Problems, prospects, methods.*] Moscow: Progress.
2. Yavorskiy M.A. (2016). *Prichiny radikalizatsii osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody v Rossii i za rubezhom. Natsional'naya bezopasnost': strategicheskie priority i sistema obespecheniya.* [*The reasons for the radicalization of prisoners in prisons in Russia and abroad. National Security: Strategic Priorities and the Security System.*] Permian, p. 171.

3. Bellah, Robert N., ed. by Patrick H. McNamara (1974). *Civil Religion in America. Religion American Style*. New York: Harper & Row, 1974.
4. Pareto V. (2011). Transformatsiya demokratii. [*Transformation of democracy*.] Moscow: Territory of the Future Publishing House, p. 207.
5. Seleznyov I.A. (2015). The phenomenon of radical Islam in the delinquent environment in the modern countries of Europe and Russia. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6 (in Russian).
6. Seleznyov I.A. (2017). The reasons for the spread of radical Islamism in the delinquent environment of Western Europe and Russia in the XXI century. *Bulletin of the Center for Ethnoreligious Studies*, 1(5) (in Russian).
7. Seleznev I.A. Osadchaya G.I., ed. by S.Yu. Glaz'eva, S.V. Ryazantseva, E.A. Kublitskoy (2018). O prichinakh rasprostraneniya religioznogo ehkstremitizma v delinkventnykh stratakh Zapadnoy Evropy, Rossii i SNG. Sekulyarizatsiya v kontekste religioznykh izmeneniy sovremennogo obshchestva. Ser. «Demografiya. Sotsiologiya. Ehkonomika» Tom 4, nomer 4. [*On the causes of the spread of religious extremism in the delinquent strata of Western Europe, Russia and the CIS. Secularization in the context of religious changes in modern society. Ser. "Demography. Sociology. Economy »Volume 4, Number 4.*] Moscow, p. 275.
8. Pashchenko I.V. (2016). Modern practices of deradicalization of convicts for the manifestation of religious extremism: international experience. *Russian jurisprudence*, 12(14), pp. 26–33 (in Russian).
9. ICSR (n.d.). *Rajan Basra, Peter R. Neumann, Claudia Brunner. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus*. [online] Available at: <http://icsr.info/wpcontent/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf> (in Russian).
10. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. (2017). Ugroza religioznogo ehkstremitizma na postsovetском prostranstve. Tsentr izucheniya perspektiv integratsii. [*The threat of religious extremism in the post-Soviet space. Center for the Study of Integration Perspectives.*] Moscow.
11. Gusev L.Yu. (2016). Security in Central Asia – Problems and Challenges. *Modern Eurasian Studies*, 3 (in Russian).
12. Sysoev A.M. (2014). Approaches to penitentiary deradicalization convicted for manifestations of religious extremism in the countries of the Middle East and Asia. *Institute Bulletin: crime, punishment, correction*, 1 (in Russian).
13. Usmanov I.M., Zinnurov F.K. (2019). "Green" zone: reality or provocation. (Practice of counteracting the radicalization of convicts in places of deprivation of liberty in the Republic of Tatarstan). *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(10), p. 67 (in Russian).